

Державная профессия

От языковеда к генералу

Генерал-майор со знанием кхмерского (а также малайского, французского, английского) языка... Возможно, этого описания было бы достаточно для того, чтобы заинтриговать прочесть интервью, однако позволю себе более красноречивые эпитеты в адрес начальника Управления по связям с общественностью ФТС России Смелякова Александра Валентиновича: академический эрудит с бешеной энергетикой.

— Александр Валентинович, Кем Вы хотели быть в детстве?

— Я могу сказать только одно — с детства я мечтал изучать иностранные языки, а именно немецкий. Видимо, это было связано с тем, что мой отец в 1950–1953 годах служил в войсках в Германии. Он всегда очень тепло отзывался о Германии и всегда разделял нацистов и немцев несмотря на то, что мой дед прошел всю войну.

Когда у нас в районе открылась специальная школа с углубленным изучением иностранного языка, я прошел собеседование и поступил. Правда, профильным был английский язык.

— Что-то мне подсказывает, что Вы были отличником.

— Нет, отличником я не был. Более того, некоторые предметы в старших классах я не учил вообще, потому что не считал необходимым тратить на них время.

— И что это за предметы?

— К величайшему сожалению, это физика и химия. У меня были большие проблемы с преподавателями этих предметов. Это был такой наглый хитрый расчет во времена моей молодости: двоек не ставили, поэтому можно было не учиться, а в конце четверти тебе выставляли тройку. Но зато я очень много внимания уделял истории, иностранному языку, русскому языку, географии — тому, что называется сейчас гуманитарными науками. Позднее в дополнение к иностранному языку мне очень понравилась история и литература. Удивительно, но мне нравилось писать лаконичные сочинения. Помню, преподаватель по литературе отметила, что у меня журналистский стиль. Я писал как можно короче, и получалось неплохо, всегда были хорошие отметки.

— Очевидно, с выбором института проблем не было... Институт стран Азии и Африки?

— Дилемма была. В то же время меня привлекала дисциплина и военная служба. Я серьезно рассматривал вопрос о поступлении в Военный институт иностранных языков и профессии военного переводчика. Но когда узнал, что в случае каких-то нарушений в субботу там не отпускают, понял, что это для меня чересчур. Поэтому решил изучать историю. Конечно, самым оптимальным вариантом был Институт стран Азии и Африки. Помню, как меня впечатлила книга о Таиланде. Я узнал такие интересные факты: жена короля, правившего Таиландом в начале XX века, была русской. Или, например, что Таиланд — единственная страна в Индокитае, которая не была колонией. Я всерьез решил заниматься изучением этого региона.

— Почему Вы выбрали кхмерский язык, если хотели изучать Таиланд? Кстати, сейчас в России я не нашла ни одного вуза, где преподают кхмерский язык.

— Жаль. Получилось случайно. В год моего поступления не было набора в группу с изучением тайского языка. Я из рабочей семьи: папа — сапожник, мама — скорняк. Поэтому язык я выбирать не мог, как некоторые мои будущие однокурсники, так называемая золотая молодежь, которая изучала более применимые языки на тот момент — арабский, китайский, японский.

— То есть кхмерский язык выбрал Вас, а не Вы его?

— Существовала разрядка ЦК КПСС раз в пять лет набирать группу с кхмерским языком. Я поступал в 1974 году, когда в Камбодже шла война, дипломатические отношения со страной отсутствовали. На одном из первых занятий нам сказали: «Ребята, готовьтесь к тому, что вы не будете востребованы. Конечно, это не внушало особого оптимизма, когда ты учишь то, что тебе не пригодится. Все понимали, что эти «кхмерзавцы», как нас называли, будущие безработные. Но первый курс наша группа окончила лучшей.

— Вы окончили университет в 1979 году, получили диплом историка-востоковеда, референта-переводчика кхмерского языка. Что потом?

— Кхмерский язык был вообще не востребован. Я дал подписку, что не претендую на трудоустройство от института, так как устраивать было некуда. Пришлось искать работу. Помню, пришел на собеседование в управление кадров Госкомитета по внешнеэкономическим связям, они готовы были меня взять на работу с французским языком в Лаос, был вариант поехать с геологоразведочной миссией в Гвинею — но по контракту, а мне хотелось постоянства и с кхмерским языком. На что мне ответили: «Ты что! Там война». Но прошло четыре месяца, и они мне звонили, умоляли прийти к ним, потому что вьетнамская народная армия освобождала Камбоджу — и сразу возникла необходимость в специалистах с кхмерским языком.

— **Ваш звездный час!**

— Да, вот он звездный час — ты востребован!

— **И сразу в Камбоджу?**

— Нет. Это был долгий путь. Однажды меня вызвали и сказали: «Есть мнение, что ты будешь хорошим журналистом-международником, поэтому завтра в 10.00 будь добр явиться в главное управление кадров ТАСС и начать оформление». Так я стал корреспондентом ТАСС со словами: «Запомни, здесь нет обращения на Вы, здесь нет возраста, должности, здесь смотрят на тебя в зависимости от того, как ты работаешь, и

нам все равно, какие у тебя дипломы! Вот тебе методичка — и давай на стажировку по всем редакциям». Это был безумно интересный опыт. Так я одним из первых узнал, что Индира Ганди умерла. Я присутствовал в режиме онлайн на знаменитой пресс-конференции Горбачева в Нью-Йорке. Мне очень нравились информационные материалы ТАСС, емкие и краткие, как мои сочинения в школе. Там-то я и вспомнил, что у меня «телеграфный стиль», как сказала учительница.

— А как Вы попали в Камбоджу?

— Заканчивался срок командировки предыдущего корреспондента, и меня отправили в Камбоджу. Летел с большой неохотой. К тому времени у меня пропал интерес к региону, так как я уже был искушен другими странами, проработав несколько лет в ТАСС. Но когда я вышел из самолета в Пномпене, увидел пасущихся буйволов у трапа, потрескавшуюся взлетно-посадочную полосу от разрывов мин и артиллерийских снарядов, я влюбился в Камбоджу. Это была любовь с первого взгляда, хотя складывалось очень непросто в бытовом и профессиональном плане.

Это стало испытанием, многому пришлось учиться. На меня была возложена обязанность заведующего корпунктом, а это значит наряду с журналистикой — хозяйство и бухгалтерия. Еще я помогал местному информационному агентству и другим СМИ — организовывал пресс-туры, пресс-конференции. Это называлось «прорывом информационной блокады». Плюс гражданская война, разруха, постоянные перебои с электричеством, водой, страна находится в изоляции, нет многих привычных для нас продуктов. Тогда я впервые столкнулся с таможней, получая еженедельно грузы и оборудование для местных СМИ.

— Какое качество Вы в себе воспитали за время пребывания в Камбодже?

— Ответственность. Некогда было с Москвой связываться, чтобы принять решение. Иногда и связи не было. И принимаешь решение сам. Вот что значит быть полевым игроком.

А когда ушел в направление по связям с общественностью и начал читать учебники, вдруг понял, что в Камбодже я, оказывается, занимаюсь пиаром: организацией

пресс-конференций, пресс-туров, продвижением тезисов, подготовкой пресс-релизов и так далее.

— Как Вы адаптировались, вернувшись в 1990 году в другую страну?

— Мы вернулись, и, конечно, возвращение было несколько необычным. На моих глазах ТАСС разваливался. Журналисты-профессионалы побежали кто куда. Это было страшно. Зарплату не платили, и я ушел в бизнес. Испытав взлеты и падения, вернулся к работе по связям с общественностью — понял, что как бизнесмен я не состоюсь. Мне стал интересен бизнес-пиар, не политтехнологи, не государственный пиар, а именно бизнес-пиар.

— А как Вы пришли в таможеню?

— Случайно. В силу того что у меня был опыт работы с Андреем Юрьевичем в «Рособоронэкспорте», я позвонил поздравить его с новым назначением в ФТС России. А он имел неосторожность спросить, чем я занимаюсь. Я тут же сказал: «Ничем». И хотя у меня тогда был другой проект, все же попросился к нему на службу. С тех пор я опять с Андреем Юрьевичем, чему безумно рад, потому что ценю и глубоко уважаю этого человека с большой буквы.

— Какие исторические личности у Вас вызывают симпатию?

— Ни один политический деятель из ныне живущих пока не может претендовать быть названным исторической личностью. Мы должны немного подождать, я как историк говорю. Из старых политиков Уинстон Черчилль вызывает уважение. Из тех, кто перевернул мир, это, конечно, братья Люмьер. Они создали совершенно новый вид искусства. Из полководцев мне импонирует Барклай-де-Толли — кстати, он одно время был таможенником. Из ученых мне нравится Никола Тесла.

— Ваше самое большое достижение?

— Семья. У меня замечательные дети: два мальчика и девочка. Не знаю, все ли у меня хорошо получается на работе, но дети выросли замечательные. Поэтому совершенно уверенно могу сказать, что я — счастливый отец, муж и сын.

Беседовала **Малика Тансыкбаева**